

Мониторинг в коммуникативной ситуации современной России

На формирование коммуникативной ситуации в России, несомненно, влияет важнейшая тенденция современного мира, которая проявляется в преодолении централизма и актуализации персонализма: роль личности в социокультурных процессах возрастает. Индивидуализация позиций отдельного человека, становление его самосознания как субъекта исторического действия и, как следствие, повышение ответственности за ход исторического развития обуславливают приоритет диалогической формы в системе современных коммуникаций. Внимание к проблеме диалога можно зафиксировать во всех его измерениях: как вертикальном (личность—государство, человек—вышестоящие государственные инстанции, власть—общество), так и горизонтальном (между отдельными гражданами). Диалог становится наиболее востребованной формой общественных отношений.

В XX веке едва ли не все крупные мыслители обращались к проблемам диалога. Так возникла западно-европейская школа диалога, представленная именами М. Бубера, Ф. Ронцевейга, Ф. Эбнера, Г. Коэн и других. Русская научная школа обогатилась исследованиями таких выдающихся ученых как М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, положивших начало новой методологии гуманитарного знания, которая была развита Г.С. Батищевым, М.С. Каганом, В.Л. Махлиным, Н.М. Перлиной и др. и в дальнейшем стала основой нового направления в культурологии — «школы диалога культур» В.С. Библера. Исследованные этими учеными аспекты диалога убеждают, что именно диалогическая форма общения представляет собой наиболее действенное средство построения сложных систем отношений на разном уровне в разных пространствах общественной жизни, в том числе в отношениях власти и общества. Несмотря на различные подходы к трактовке сущности диалога, содержательное ядро рассуждений, устраивающее большинство авторов, писавших об этой проблеме, отсутствует. Под диалогом понимают такое полагание различных смысловых позиций, которое приводит не к их взаимному отторжению или подавлению, а к продуктивному взаимодействию. Показателем такого взаимодействия служит появление новых, не сводимых к первоначальным позициям и смысловым построениям всех сторон участников. Диалог в качестве необходимых условий предполагает наличие полноценных субъектов-участников и изначальное отсутствие монополии на истину.

Дальнейшие рассуждения о диалоге будут ограничиваться одним из его частных проявлений, а именно: диалогом между властью и обществом в рамках социокультурного целого. Именно через отношения власти с обществом раскрываются специфические качества диалога. Прослеживая генезис диалоговой составляющей культуры со времен Античности (начиная с софистов, Сократа, Платона), можно заметить доминантную для диалога характеристику: индивидуализм, предполагающий формирование свободных индивидуальных сознаний и выработку соотношения между личным и общественным. Благодаря диалогу власти и общества формировался фундамент европейской

цивилизации, для которой это был диалог государства и общества. Власть и социальный институт (государство), принимающий управленческие решения, не разделялись в глазах обывателя, поэтому власть не приобретала флер сакральности, и человек, превратившись в субъект диалога, знал, что его взаимоотношения с властью могут решаться на договорной основе.

ВРЕЗКА 1. Специфика отношений власти с обществом в России позволяет утверждать, что в российском социуме медиационные связи вообще слабы, а диалог как фундаментальная форма медиации, способствующая взаимодействию противоположных смысловых полюсов социокультурной действительности, которые представляют власть и общество, традиционно недостаточны. КОНЕЦ ВРЕЗКИ 1. Это в свою очередь стало причиной множества серьезных проблем, носящих исторический характер.

Используя исследовательский конструкт *Должное/Сущее* (особенно плодотворно применяемый в трудах А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко), можно попытаться объяснить специфику отношений власти с обществом, так как именно в этих координатах проявляется культурное самоосознание власти и общества в российском цивилизационном пространстве. Раскрытие этой оппозиции сводится к тому, что в любом традиционном обществе (каким на сегодняшний день является Россия) сознание субъекта различает статус культурногенетического принципа и эмпирического опыта реально бытийствующей культуры. Более того, векторы цивилизационного развития обществ увязываются с путями преодоления ситуации разорванности мира между полями Должного и Сущего. Европейская картина мира обращена к реальности и развивается вместе с историей человека, прогрессом науки. В России проблема Должного/Сущего осознается как бесконечное стремление к запредельному. В российском сознании Должное и Сущее заключают целый спектр устойчивых отношений, среди которых основными являются отношения власти и общества.

Несмотря на самобытность процесса построения диалогических отношений власти и общества, Россия независимо от воли отдельных людей, социальных групп и представителей власти испытывает на себе влияние глобальных процессов. Прежде всего, это информатизация общества, частным проявлением которой является применение социально-информационных технологий. Особое место среди них занимает *мониторинг*. Под мониторингом принято понимать комплексный метод познавательной и предметно-практической деятельности, направленный на непрерывное слежение за состоянием объектов социальной среды по заранее заданным параметрам с целью анализа и контроля ее состояния, что позволяет осуществлять эффективное прогнозирование и выработку оптимальных социально значимых решений. Такая технология имеет базисное значение в социокультурной практике благодаря особенностям сбора, обработки и представления фактических сведений. Кроме свойственных ему типичных функций (наблюдение, контроль, прогноз, управление), включаясь в процесс диалога, мониторинг проявляет также специфические, в том числе функцию диагностики общественных настроений, которая актуализируется в результате их периодического зондирования. Власть

вынуждена принимать сигналы от общества, несмотря на то, что эти сигналы могут ее не устраивать, приниматься искаженно, а реакция на них может быть неадекватной. Однако игнорировать их нельзя, как нельзя не замечать объективно существующую реальность. Нежелание их принимать приводит к социальной напряженности. Другая функция мониторинга — коммуникативная, основанная на таком его качестве как обратная связь.

ВРЕЗКА 2. Подразумевается, что благодаря мониторинговым исследованиям не только власть узнает о состоянии общества, но общество получает представление о собственном положении и действиях власти. В канве этих рассуждений не трудно прийти к выводу о том, что роль мониторинга как инструмента диалога состоит в преодолении традиционно монологического характера отношений власти с обществом. Таким образом, мониторинг становится камертоном не только частных проблемных ситуаций, но и косвенно, — макрокультурных процессов, происходящих в обществе. КОНЕЦ ВРЕЗКИ 2.

Итак, поскольку мониторинг интересен как инструмент в диалогических отношениях власти и общества, возникает необходимость выявить его роль применительно к основным участникам коммуникационного процесса, т. е. к субъектам диалога «Власть» — «Общество». Феномен «Власть» привлекал исследователей во все времена, начиная от Платона и Аристотеля, Гоббса и Локка, Макиавелли и Монтескье до Т. Парсонса, М. Вебера, О. Тоффлера, Т. Болла и отечественных ученых А. Медушевского, А. Щербинина, В. Радаева, О. Шкаратана. Последние под этим термином понимают форму организации общественных отношений, которая при определенных условиях позволяет одному социальному элементу специфическим образом влиять на поведение другого.

В русле богатой историософской традиции, истории ментальностей и цивилизационного анализа можно проследить позиционирование власти в глазах ее представителей. Многие исследователи, в их числе можно назвать А.С. Ахиезера, Л.Н. Гумилева, В.В. Ильина, И.И. Васильева, В.О. Ключевского, И.В. Киреевского, К.Н. Леонтьева, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко и др., анализировали историю культурного осознания властью своего предназначения в российском цивилизационном космосе, в конечном счете через категории Должное/Сущее, хотя и в иной терминологии. Использование этого исследовательского конструкта позволяет выстроить общий вектор имеющихся теоретических представлений следующим образом: российская власть позиционирует себя в отношении с обществом как властвующий с подвластным. Осознавая себя в семантике Должного, власть очерчивает круг важнейших позиций, характеризующих ее отношения с обществом как носителя сакрального. Это позволяет ей в координатах двойной морали трактовать нормы права на собственность, личные свободы и т. д., волюнтаристски относиться к экономическим процессам и не соблюдать преемственность в отношении исторических предшественников. Такая позиция власти составляет основу ее монологических отношений с обществом.

Однако анализ современной социокультурной среды показывает, что эта средневековая конструкция отношений власти с обществом начинает размываться под

влиянием культурной реальности (Сущего). Власть не может больше игнорировать Сущее и под его воздействием вынуждена идти на некоторые компромиссы: вводить демократические свободы, искусственно создавать оппозицию и т. д.

Трактуя возможности технологии мониторинга с позиций синергетической теории, вслед за классиками (И. Пригожиным, И. Стенгерс, Г. Хакеном) и современными отечественными авторами (Ю. Авереным и др.) следует отметить, что мониторинг может использоваться как инструмент регулирования диапазона уступок. С помощью мониторинга, позволяющего непрерывно следить за изменениями, происходящими в социуме, власть может контролировать свои иницилирующие воздействия на различные социальные группы и своевременно принимать управляющие решения, упорядочивающие отношения с обществом. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что применение мониторинга способствует сохранению динамического равновесия в обществе и позволяет трактовать эту технологию как инструмент антиэнтропийной направленности. Оценивая роль мониторинга в канве подобных рассуждений, следует отметить, что с его помощью собирается информация о состоянии общества и посылаются сигналы обществу, т. е. пробивается брешь в монологических отношениях власти с социумом. Следовательно, мониторинг становится инструментом диалога власти с обществом.

Другой субъект диалога — «Общество». Этот феномен также всегда был в центре внимания исследователей. Его характеризовали как с точки зрения классической социологии (М. Вебер, К. Мангейм, Н. Элиас), так и с позиций современной социокультурной действительности (такие признанные авторитеты в этой области как Л. Гордон, Б. Докторов, Т. Заславская, Ю. Левада, Н. Лапин, Э. Орлова, В. Ядов и др.). Анализ динамики состояния и развития российского общества, проводимый с помощью уже описанного исследовательского конструкта Должное/Сущее, приводит к основному выводу о том, что современное российское общество развивается под влиянием двух цивилизационных начал: традиционного и либерального. Поэтому составляющие его разные социальные группы по-разному реагируют на действия власти.

Бесспорно, одним из сильнейших механизмов воздействия власти на общество является идеология. Проследивая процесс модернизации идеологии в связи с глобальными изменениями, не трудно заметить, что благодаря происходящим в современном обществе процессам оно становится обществом массового человека. В контексте этих идеологических преобразований происходит инверсия значений Должного и Сущего. Модернизация идеологических конструктов допускает интервенцию профанного в сакральное, наполняя его узнаваемыми для обывателя элементами Сущего. Таким образом, возникает иллюзия приближения Должного к Сущему: сближения позиций власти и общества. Но это только иллюзия, поскольку общество и власть по-разному осознают свое отношение к концептуальным составляющим цивилизационного пространства России.

Анализ оценки обществом социокультурной действительности в координатах Должного/Сущего показывает, что общество проблематизирует все концептуальные

позиции, связывающие его с властью, начиная с оценок самой власти, строительства правовых отношений, отношений к собственности, отношений к реформам и т. д. Тем самым оно начинает выходить из состояния безоговорочного следования Должному. Концепция Должного перестает быть незыблемой. Человек начинает искать доказательства правомерности декларативных требований верности Должному. Образ Должного сохраняется в сознании человека, но вера в него подорвана. Общество Должного постепенно теряет авторитет.

Такую ситуацию обычно называют кризисом идеологии, поскольку прежние имперские идеологические доминанты не срабатывают, а новых объединяющих общество идей власть не находит. Она избегает четкого исторического выбора, желая бесконфликтно соединить западную форму жизнестроительства с завоеваниями социализма.

Для общественного сознания это положение имеет два следствия: массовой реконструкции имперского сознания власть достигнуть уже не может, но и либеральное общественное сознание не может стать доминантным за такой ограниченный исторический срок. Поэтому общество пребывает в неустойчивом состоянии по отношению к власти.

Отношения общества и власти конфликтны: российское общество не стало равноправным субъектом совместного с властью исторического творчества. Власть и в настоящее время действует авторитарными методами, пытаясь сохранить устоявшийся порядок, манипулируя доверчивым сознанием традиционного общества. В ответ общество сопротивляется власти по мере сил. Но оно не организовано как гражданское, т. е. не имеет собственных структур и механизмов, позволяющих противостоять волюнтаристским действиям власти. Однако современный мир подошел к той грани, когда задачи дальнейшего развития и самосохранения переплелись. Поэтому, чтобы просто существовать дальше, обществу и власти нужно вести диалог. ВРЕЗКА 3. Диалог, который общество пытается вести с властью, невозможен без аргументации, т. е. апелляции к Сущему. С этих позиций технология мониторинга представляет ценность для членов общества, так как обеспечивает информацию об окружающей действительности, т. е. о Сущем. КОНЕЦ ВРЕЗКИ 3.

Использование мониторинга в построении диалогических отношений власти с обществом закономерно. Даже поверхностное наблюдение показывает сходство этих коммуникативных форм: в обеих структурах присутствуют такие элементы как партнеры, проблема и предмет, цель, мотив и интересы, барьеры, значение места и времени и т. д.

Более глубокий анализ свидетельствует о наличии в мониторинге диалогических качеств: их объединяют исследовательский характер и непредсказуемость результата; циклично-динамичная, а не линейная форма общения (имеется в виду, что заключительный этап мониторинга — не конец исследования, а лишь переход к следующему циклу). Кроме того, несмотря на явную техническую компоненту, наличествующую в мониторинге, доминантными все-таки в нем являются социальные и

культурные факторы, обуславливающие его применение. Так, и в диалоге, и в мониторинговом исследовании обязательными являются: наличие различных точек зрения на предмет, несводимость их к одной интеллектуальной позиции; фактичность и невозможность осуществления вне конкретной объективной воплощенности; универсальность, превращающая и диалог, и мониторинг в культурную ценность и предполагающая их реализацию в любой предметной области. Основным смыслом мониторинга — выявление зарождающихся новых феноменов, стилей, образов жизни, локальных и цивилизационных ценностей. В этом его задачи также перекликаются с диалогом.

Применение мониторинга приносит ряд преимуществ в построение диалогических отношений власти и общества:

- более строгой становится структура диалогического общения: процесс подбора, варьирования и изобретения моделей диалогического общения;
- создаются качественно новые условия «обобществления» полученного в ходе мониторингового исследования знания (этому способствует, в частности, применение компьютеров), которые влияют на перестройку познавательной деятельности, и формируют мыслительные формы, выходящие за рамки традиционного научного миропонимания;
- создаются новые способы взаимодействия между гражданами и их избранными представителями, между кандидатами и избирателями, среди самих граждан при обсуждении проблем социокультурной действительности.

И все же в России пока не сложились условия для реализации всех возможностей мониторинга в построении диалога власти с обществом. Причина этого, прежде всего, в неравноправных отношениях между участниками диалога и несовпадении их интересов. Это доказывается анализом предметного поля интересов власти и общества. Поэтому наличие диалогических качеств мониторинга, хотя и демонстрирует плодотворность применения данной технологии в построении прогрессивных отношений власти с обществом, но не свидетельствует о том, что они реализуются на практике.

Ценность мониторинга как инструмента диалогических отношений заключается также в его познавательных возможностях. Это качество поддерживается заложенными в технологии мониторинга механизмами, направленными на получение объективных, непротиворечивых, многоаспектных, оперативных, систематических и наглядных сведений об объекте наблюдения. Это позволяет считать мониторинг базовой технологией в изучении любого объекта, в том числе взаимоотношений власти и общества.

Изучение механизмов мониторинговой технологии позволяет установить, что потенциально мониторинг в состоянии обеспечить реализацию основных познавательных принципов диалога:

- избыточность позиций участников диалога;
- компетентность участников диалога;
- равноправие субъектов диалога;
- объективность их позиций.

Тем самым применение мониторинга может способствовать развитию таких сторон диалога как понимание позиции оппонента, полемика, оценка ситуации, декодирование позиций участников, поиск компромисса, отрицание или соглашение с позицией оппонента и др., т. е. весьма плодотворно использоваться для диалогического познания общества.

ВРЕЗКА 4. Познавательные возможности мониторинга оценены властью, о чем свидетельствует сложившаяся система учреждений в современной России, занимающаяся мониторингом социокультурной среды. В нее входят государственные службы, научные и общественные организации, занимающиеся постоянным слежением за различными объектами, непосредственно или косвенно отражающими изменения социума. КУОНЕЦ ВРЕЗКИ 4. Особенно продуктивно в этом направлении работают крупные СМИ, общественные фонды и политические движения, Всероссийский центр общественного мнения (ВЦИОМ), Фонд общественного мнения (ФОМ), Независимый исследовательский центр «Российское общественное мнение и исследование рынка» (РОМИР) и ряд самостоятельных исследовательских компаний, объединенных на сайте monitoring.ru. Исследования этих организаций проводятся с соблюдением всех норм международного кодекса проведения социологических и маркетинговых исследований, принятых Международной Ассоциацией исследователей общественного мнения (WAPOR) и Европейским обществом исследователей общественного мнения и Маркетинга (ESOMAR). Это означает, что с точки зрения использованных методик сбора, обработки и анализа результатов исследований эти организации соответствуют современному уровню развития социальных технологий, а число их интервьюеров исчисляется тысячами человек, что позволяет считать выводы проводимых ими исследований репрезентативными. Периодически публикуются результаты мониторинговых исследований в изданиях «Мониторинг «Доходы и уровень жизни населения», «Мониторинг общественного мнения: Экономика и социальные перемены», «Мониторинг социально-экономической ситуации и состояния рынка труда Санкт-Петербурга» и др.

Однако анализ практики проведения мониторинговых исследований показывает, что в современном российском обществе мониторинг используется властью либо как идеологический инструмент для зондирования общественных настроений, либо для обеспечения аргументами заранее предпринятых властью действий.

Подтверждение этой мысли может быть проиллюстрировано мониторинговыми исследованиями, раскрывающими процесс смены нравственно-ценностных ориентиров в

современном российском обществе. Данные исследований, проводимых под руководством Т.И. Заславской, Н.И. Лапина, Т.И. Кутковец, позволяют сделать вывод о том, что на выбор ценностных предпочтений современного россиянина влияет целый спектр общественных процессов, под воздействием которых личность неоднозначно позиционируется в социокультурном пространстве. Это значит, что «одноканальное» видение мира, препятствующее адекватной культурной адаптации человека, уходит в прошлое. Вместе с тем появление в идентификационном пространстве ранее неизвестных значений, ценностей, норм приводит к определенной ценностно-нормативной дезориентации, которая выражается в возникновении проблемы выбора идентификационной модели и в неосвоенности новых, адекватных складывающимся институциональным формам образцов деятельности. Ситуация ценностного плюрализма становится серьезным испытанием для россиян, так как неудовлетворенность системой регламентации общественных отношений и стремление самостоятельно выбирать условия и способы личностного самоопределения приходят в противоречие с инертностью и стандартностью мышления, которые складывались долгие годы, когда жизненная ориентация людей направлялась властью на создание социальных стереотипов. Необходимость руководствоваться собственными, а не официально установленными представлениями, обусловленными мировоззрением, ценностными ориентациями, принадлежностью к определенной социальной группе, образованием и другим факторам, объясняет расширившиеся возможности в выборе идентификационной модели.

На протяжении XX — начала XXI века в России в результате смены ценностей формировался качественно другой народ. Мониторинг разрушает мифы о современном обществе, которые создавала о нем власть: в глазах правящей элиты общество наделяется такими качествами, как покорность перед властью, патерналистское упование на нее, готовность довольствоваться малым, коллективизм. Самооценка общества другая: доминирующий вектор развития российского общества лежит в направлении модернистской культуры, ориентированной на ценности Сущего. Понятно, что не всё общество приняло аксиологические инновации: ценности индивидуализма, свободной конкуренции в условиях рыночных отношений, но в нем явственно прослеживаются тенденции повышения самостоятельности личности, возможность противостояния социокультурным шаблонам, что создает целый комплекс проблем взаимодействия власти с обществом.

Отношения власти с обществом испытывают мощное воздействие противоречивых аксиологических представлений: как норм и ценностей патерналистской парадигмы, так и нового нормативно-ценностного набора, являющегося итогом процесса переоценки ценностей и трансформации социокультурных приоритетов в российском обществе. Но приходится констатировать, что в России пока нет соответствующей новому качеству общества власти. Дальнейшая модернизация страны блокируется не менталитетом населения, а неспособностью власти управлять свободными людьми. Кризис власти состоит в частности, в том, что она не готова применять адекватный

задачам инструментарий управления, к которому относятся социально-информационные технологии, в том числе мониторинг.

Вне проекта модернизации российского государства, опирающегося на поддержку членов общества, традиционалистская система ценностей не может быть разрушена. Изнутри она не реформируема. Если такой проект не будет обществу предложен, то отчуждение общества от власти будет нарастать. При таком восприятии мира и себя в нем публичная риторика политиков, апеллирующая к чуждым обществу ценностям, побуждает людей не к диалогу, а к отчуждению и ожиданию обвала власти. Без коренного перелома стереотипов ксенофобии, правового нигилизма, неоправданных надежд на новую власть Россия, как это предрекают многие аналитики, опять может соскользнуть в свой исторический цикл: стагнация—развал—внешнеполитическое поражение—бунт—узурпация власти—подъем милитаризма и внутренние репрессии—новая стагнация.

В таких условиях применение мониторинга в социокультурной практике может стать весьма продуктивным и проявляться в двух направлениях. Во-первых, мониторинговые исследования служат инструментом познания социальной среды и выявления кризисных факторов, влияющих на самоопределение индивидов, а во-вторых, мониторинг помогает определить консолидирующие основания, по которым происходят взаимодействия личности с кардинально изменившейся средой, с другими личностями и властью.

ВРЕЗКА 5. Мониторинговые исследования фиксируют изменения факторов идентификации, важнейшим из которых является отмирание идеологии, а вместе с ней официально устанавливаемых ценностей и норм жизни, составляющих категорию Должного. Приоритетом для людей становятся индивидуальные интересы, частная жизнь, «посюсторонняя реальность», т. е. Сущее. КОНЕЦ ВРЕЗКИ 5.

Важнейшим фактором фрустрации ожиданий для большинства россиян является ухудшение материального положения, что негативно сказывается на их самоидентификации. В то же время мониторинговые исследования показывают, что на процесс идентификации россиян сильное влияние оказывают такие явления, сопровождающие социокультурный кризис, как:

- варваризация сознания и следование нормам ситуативной этики;
- проявление примитивного сознания толпы;
- возвращение в современность некоторых элементов архаической культуры;
- возникновение специфических групповых солидарностей;
- религиозная и секулярная ритуализация как попытка найти шаблонные защитные формы поведения.

Все эти факторы делают сознание человека уязвимыми для внешнего влияния. При этом специалисты отмечают недостаточность управленческого внимания к научным

методам и использованию социально-технологического инструментария для формирования социальных общностей.

Вместе с тем мониторинг является той социально-информационной технологией, которая позволяет выявить факторы строящейся идентификационной модели современного российского общества. Мониторинг показывает, что макроидентификационные факторы, разумеется, присутствуют в жизни россиян: это фактор этно-национальной принадлежности, когда создается образ позитивной целостности — «Мы», национальная гордость, удовлетворение от чувства принадлежности именно к данному конкретному обществу; это временная шкала («прошлое-настоящее-будущее») как универсальное основание, помогающее объяснить смысл самоопределения россиян по другим идентификационным признакам. И все же не макроидентификационные факторы выполняют главную роль в самоопределении наших современников. Главными факторами самоопределения в настоящее время выступают факторы семьи как защиты в кризисном обществе и корпоративной принадлежности.

Из данных мониторинга следует, что линейная модель самоидентификации, основанная на едином основании, и характерная для тоталитарного общества, в современной России уступает место многофакторной идентификационной модели, отражающей плюрализм ценностей и напрямую связанной с развитием личности.

Постоянное слежение за динамикой социокультурной адаптации отдельных людей и социальных групп убеждает, что в России все граждане, к какой бы группе, выделенной по признаку установок на способы жизнеобеспечения, они не относились, зависят от власти, т. е. от системы норм и ценностей государства. Если воспользоваться предложенным В. Агеевым делением активного населения России на основные кластеры, то картина будет такая:

- *адаптированные* (в него входят «новые русские»). В психологии этой группы прослеживается явный разлом сознания: неприятие в душе близких к криминальным моделям поведения, но воплощение их в реальной жизни. Возможность снять данный дискомфорт «новые легальные русские» связывают в значительной мере с государством, которое должно обеспечить условия для цивилизованного бизнеса;
- *неудачники* (это группа проигравших при переходе к рынку). Главная их особенность — неадаптированность к современным условиям, высокая степень социально-экономической зависимости, в том числе от государства. Для них характерно бездеятельное ожидание улучшения жизни и восприятие государства в роли кормильца.
- *трудолюбивые*, от государства они ожидают создание условий для труда как возможность занять в обществе достойное место.
- *паразитирующие* — фактором успеха этой группы является «криминальная адаптация» (к этой группе относится и коррумпированное

чиновничество), для них выгодны созданные государством условия развития нецивилизованного бизнеса.

Так в общественном сознании россиян возникает феномен под названием *зависимая стратегия*, выражающийся как в сознании, так в массовом поведении и являющийся мощным фактором дезадаптации трудоспособного населения. На преодоление этой зависимости, очевидно, должны быть потрачены годы, за которые общественное сознание переориентируется на собственные силы, а высшими ценностями станут свобода личности и трудовая активность. Но патерналистская роль выгодна государству, так как зависимость от него всех слоев общества закладывает основание для манипуляции общественным сознанием и поведением людей в интересах власти.

Специалисты выделяют факторы, способствующие успешному применению форм манипулятивного воздействия. Среди них: социальные страхи, падение авторитета властных структур и другие характерные черты кризисного общества. Несмотря на общую тенденцию рационализации массового сознания (уход от ценностных нормативов Должного и усиления ориентации на Сущее), значение манипулирования не уменьшается. В социумах, где отношения власти с обществом строятся на монологической основе, приемы манипуляции могут быть весьма примитивными. Диалогические формы общения власти с обществом требуют более тонких и изощренных форм манипуляции, в том числе привлечение в качестве инструмента манипулирования различных социально-информационных технологий, в частности мониторинга.

Применение мониторинга в процессе манипуляции общественным сознанием обусловлено как его сущностными качествами, так и предложенными обстоятельствами. Мониторинг как технология выявления объективных данных, характеризующих социокультурное сознание, обеспечивает подготовительный этап манипулирования, подразумевающий изучение желаний, ожиданий, интересов, потребностей различных социальных групп. Следовательно, он выступает как важнейший инструмент на этапе так называемого пальмирования социокультурной сферы. На этом этапе манипулятор получает приоритет в доступе к информации. С помощью мониторинга создается модель реальной ситуации. Причем, как любая модель, мониторинг упрощенно представляет действительность, главным образом отражая устойчивые стереотипы, бытующие в общественном сознании, и в этом априорно проявляются манипулятивные качества данной технологии. Так, в мониторинге воплощается идея неподлинности мира, его зараженности вторичными идеологическими смыслами, описанная Ж. Бодрийяром (для обозначения которой он использует термин «симулякр»). Фиксация современной действительности в рейтингах, аналитических мониторинговых справках, претендуя на независимое отражение реальности, на самом деле подменяет ее на выработанные в массовом количестве самодостаточные, независимые от реальных образов симулякры и все больше формирует из них жизненную среду человека. Человек, вовлеченный в эту парадоксальную симулятивную темпоральность, не различает искусственную среду и реальную. Становясь информационно зависимым, наивно полагая, что самостоятельно

осуществляет свой выбор, он превращается в фигуру в руках тех, кто создает мнимые образы. Кроме того, будучи членом определенной социокультурной группы, помимо собственной воли, человек оказывается включенным в эту технологию. Он оказывается во власти мнимых образов (симулякров), понуждающих его совершать различные поступки, не соответствующие действительным интересам личности как на бытовом уровне (покупки ненужных вещей), так и в области принципиальных решений (выбор представителей власти, голосование за политические партии и т. д.). Ориентация на данные мониторинговых исследований при определенных обстоятельствах представляет собой не что иное, как уход в виртуальный мир, который может не соответствовать реальности и преднамеренно ее исказить. Внешнему заинтересованному вмешательству открыты такие процедурные этапы мониторинга, как выбор места и времени проведения исследования, группы респондентов, набор индикаторов, по которым осуществляется слежение за объектом.

Наиболее активно манипулятивные возможности проявляются на этапе комментария результатов мониторингового исследования. На этом этапе манипуляторы используют многообразный арсенал средств, помогающих осуществлять отвлекающие действия, действия по введению в заблуждение, действия, направленные на вхождение в доверие (т. е. процедуры пассирования), а также действия, представляющие собой подмену одного понятия другим (т. е. процедуры шанжирования).

Естественно, что освободиться от манипуляций нельзя: манипуляции — часть процесса управления обществом. Но с другой стороны, природа человека противится обману. Развитие социально-информационных технологий, в частности мониторинга, расширяет перспективы манипулирования, но эти же технологии могут быть использованы для минимизирования возможностей манипулирования. Ограничение манипуляций — одно из условий стабильности демократии, а следовательно, и развития диалогических отношений власти с обществом.

Амбивалентность мониторинга, как и любой социально-информационной технологии, позволяет трактовать его как средство защиты общества от манипулятивного воздействия власти. Позитивные следствия применения мониторинга заключаются в реализации его познавательных качеств (объективности, системности, оперативности, наглядности, непротиворечивости и т. д.), необходимых для изучения проявления многообразных форм социокультурного пространства; универсальности сфер применения и др. Можно утверждать, что использование мониторинга способствует включению каждого человека в глобальное информационное пространство, ощущению себя причастным к значительным событиям в стране и мире и, соответственно, осознанию себя полноправным субъектом социокультурного диалога с властью. Таким образом, технология мониторинга становится инструментом построения гражданского общества.

Успех в использовании информационного мониторинга связан с развитием гражданского общества, т. е. всего комплекса мероприятий (реформы законодательной базы в сфере информации, формирование государственной информационной политики и

т. д.) Защита человека от негативного воздействия мониторинговых исследований напрямую связана с развитием информационной культуры общества, создающего равные условия в получении информации всеми его членами и обеспечивающего уважительное отношение к любым информационным предпочтениям личности. Но и от информационной культуры личности зависит очень многое. Поэтому формирование информационного мировоззрения, освоение методик работы с информацией, выработка приемов информационного поведения приобретает в настоящее время важное значение. Позитивную роль в процессе адекватной социально-культурным, экономическим и политическим условиям адаптации личности играют образовательные проекты, знакомящие с сущностью технологии мониторинга и способствующие приобретению практических навыков проведения мониторинговых исследований. Такие проекты осуществляются высшими учебными заведениями Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара. В частности в Московском государственном университете культуры и искусств на факультете менеджмента и социально-информационных технологий в течение девяти лет преподается авторский курс «Информационный мониторинг», рассчитанный на подготовку специалистов информационно-управленческого профиля.

Итак, в результате рассуждений о роли мониторинга в коммуникационной ситуации современной России можно сделать выводы о том, что помимо информационной составляющей, сознательно ожидаемой в результате применения данной технологии, мониторинг может служить:

- косвенным индикатором содержания взаимоотношений власти и общества;
- отражать не только меняющиеся настроения, но и долговременные ментальные трансформации в общественном сознании;
- выступать формой продуктивного диалога в системе отношений власть — общество.